ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА, СБЕРЕЖЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

УДК 316.356.2.003

Б.С. ПАВЛОВ

Понятие «человеческий потенциал» широко используется в современной научной и общественно-политической литературе. Человеческий потенциал любого сообщества (микро- и макрорегиона, страны в целом) представляет собой его человеческие ресурсы, обладающие качествами и свойствами, определяющими потенциальную возможность развития данного социума (или его деградации).

Официальное звучание это понятие приобрело в 1990 г. После официального принятия (1990 г.) понятия индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), применяемого в рамках специальной программы развития ООН (United Nations Development Program, UNDP), он используется для количественной характеристики успеха страны (региона) в развитии человеческого фактора. ИРЧП показывает степень достижения общественных целей: продолжительности жизни 85 лет, 100-процентной функциональной грамотности и уровня жизни с учетом мировых стандартов [1].

Новое, уточненное экспертами ПРООН определение, соответствующее практике и научным исследованиям по проблемам развития человека, сформулировано так: *«Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете»*.

В свете этого определения развитие человека имеет три компонента:

1. Благосостояние: расширение реальных свобод человека таким образом, чтобы они могли процветать.

2. Расширение прав и возможностей, а также агентность: возможность человека и групп действовать и получать ценные результаты.

3. Справедливость: повышение социальной справедливости, обеспечение устойчивости результатов во времени, уважение прав человека и других целей общества.

В 2010 г. семейство индикаторов, которые измеряют ИРЧП, было расширено, а сам индекс подвергся существенной корректировке. В дополнение к используемому ИРЧП, который является сводным показателем, опирающимся на среднестрановые статистические данные и не учитывающим внутреннего неравенства, были введены три новых индикатора: индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), индекс гендерного неравенства (ИГН) и индекс многомерной бедности (ИМБ). В зависимости от значения ИРЧП страны принято классифицировать по уровню развития: очень высокий (42 страны), высокий (43 страны), средний (42 страны) и низкий (42 страны) уровень [2].

В индексе развития человеческого потенциала 2010 г. Россия занимает 65-е место с ИРЧП 0,719. Она находится после Албании (64) и перед Казахстаном (66), в середине списка высокоразвитых, по оценке ООН, государств. Основные показатели Российской Федерации таковы: средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 67,2 года; средняя продолжительность получения образования – 8,8 года; ожидаемая продолжительность получения образования – 14,1 года; ВНД на душу населения – $ 15258 в год. Россия занимает 42-е место в рейтинге социально-экономического неравенства и 41-е место в рейтинге гендерного неравенства. Стоит отметить, что Россия, тем не менее, опережает в рейтинге своих соседей по БРИК. Среди крупнейших стран с быстрорастущей экономикой Бразилия занимает в рейтинге 73-е место, Китай – 89-е, а Индия – 119-е [1].

Важно осознавать и то, что уровень потенциального развития того или иного региона, помимо человеческого потенциала, включает и другие ресурсы развития, как *природные*, так и *созданные в результате человеческой деятельности*). К числу последних относят ресурсы материального и нематериального характера: топливно-энергетические, финансовые, инновационно-инвестиционные, репутационные (репутация территории, её конкурентоспособность, бренд, патенты и др.) [3].

Процесс воспроизводства всех общественных процессов в современной России предпосылает *институту семьи* с его потребностями и потенциальными возможностями

выступать одновременно и в качестве *заказчика* и в качестве потребителя всех общественных взаимодействий. Семья (*и в качестве социального института, и в качестве отдельной первичной ячейки общества*) опосредует, с одной стороны, влияние общества на индивида (*в процессе его онтогенетического развития и функционирования*), с другой стороны, подавляющее большинство индивидов сотрудничает с обществом через семью в процессе реализации своих потребностей и интересов. Можно утверждать, что характер течения всех социально-демографических процессов в обществе в большинстве своем обусловлен прямо или опосредованно состоянием семейно-брачных отношений, уровнем стабильности семьи как социального института, степенью совпадения интересов семьи, направленности ее деятельности о доминирующем векторе общественного развития. Небезосновательны поэтому традиционное обращения экономистов, демографов к семье как доминантному фактору воспроизводства человеческого потенциала той или иной территориальной общности [4].

Комплекс исследований, проведённых в 1999–2011 гг. социологами Института экономики УрО РАН под руководством автора и при его непосредственном участии, позволяет более предметно и доказательно анализировать актуальные проблемы института семьи как объекта и субъекта социальной (*семейной*) политики государства, основной целью которой является воспроизводство человеческого потенциала в кардинально меняющихся условиях социально-экономического развития российского социума. В нашем случае речь идёт о воспроизводстве дееспособного населения Уральского региона. В числе других, в частности, были реализованы следующие социологические проекты:

1999 г. – опрошены 1360 полных зрелых семей из шести регионов РФ: городов Надым, Нижневартовск, Самара и Чита Свердловской и Челябинской областей) по проблемам социализации подростков (14–17 лет) и социального самочувствия малой социальной группы в условиях проводимых экономических реформ – «ЧП-1»;

2003 гг. – опрос 2900 молодых супругов в пяти регионах РФ (города: Екатеринбург, Челябинск, Чита, Надым, Нижневартовск), в том числе из однодетных (1190 чел.) и двухдетных (685 чел.) семей – «ЧП-2»;

2007–2008 гг. – в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел.; д) специалисты властных структур и преподаватели школ – 220 чел. – «ЧП-3»;

2008 г. – опрос 200 экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО «ЧП-4»;

2010–2012 гг. – было проведено комплексное социологическое исследование, связанное с анализом ресурсов инновационного развития высшего профессионального образования в регионе. В общую программу исследования входил анкетный опрос по квотно-репрезентативной выборке 1000 студентов IV–V курсов 5 уральских вузов (гг. Екатеринбург, Нижневартовск, Челябинск) – «ЧП-5».

Ниже нами будут рассмотрены некоторые аспекты демографической политики, жизнедеятельности уральских семей, связанные с рождением и воспитанием здорового, умного и трудолюбивого потомства, другими словами, воспроизводством человеческого потенциала в регионе. Вспомним при этом классиков: «Производство жизни – как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения – появляется сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой – в качестве общественного отношения» [5, т. 3, с. 28].

Важнейшим индикатором состояния семейно-брачных отношений в том или ином обществе является жизнедеятельность семьи, связанная с воспроизводством потомства, его количественными и качественными характеристиками. Сужение воспроизводства населения – одна из детерминант, определяющих угрозу экономической безопасности отдельного региона, страны в целом. Последнее заключается в нарушении социально-биологического процесса воспроизводства рабочей силы как таковой, в снижении качества трудовых ресурсов вследствие ухудшения основных медико-демографических характеристик состояния здоровья регионального социума. Это в свою очередь, увеличивает экономическую нагрузку на трудоспособное население

со стороны требующей жизнеобеспечения и социальной защиты отошедшей от активной экономической деятельности части населения, доля которой увеличивается из-за общего «старения» населения России в целом (*Уральского экономического района в частности*). Не секрет, что в России продолжает расти (*абсолютно и соотносительно*) число инвалидов, неработающих одиноких стариков, одиноких женщин с малолетними детьми, других малообеспеченных и социально-ущербных слоёв социума и т. д.

Попытаемся ответить на вопрос: *«А сколько вообще нужно детей для семьи, дабы удовлетворить, с одной стороны, общественные и, с другой, семейные и личностные потребности в детях?»*. Следует подчеркнуть, что в настоящее время ценностно-мотивационные решения и поведение семьи в сфере репродуктивной деятельности носят приватный (*как правило, общественно нерегулируемый*) характер. При этом результат репродуктивного труда семьи в большей своей части *не принадлежит его непосредственным участникам*, хотя родители несут конституционную ответственность за ребенка до определенного возраста. Государство, местные органы власти, социум в целом, региональные сообщества, предпринимательские круги, формально не являясь основными участниками репродукционного процесса, в действительности «*кровно заинтересованы*» в его результатах. В первую очередь речь идёт о воспроизводстве трудовых ресурсов и когортах общества, призванных обеспечивать безопасность государства от внешних и внутренних деструктивных процессов и проявлений.

И ещё одно немаловажное обстоятельство. Факторы репродуктивного поведения семьи (отдельных граждан) разнообразны и недостаточно изучены. Они «не вписываются» ни в одну из существующих теорий экономического поведения, прежде всего, в теорию абстрактного «homo economicus», который, якобы, всегда осуществляет рациональный выбор своих жизненных проявлений.

А теперь обратимся к результатам одного из наших опросов. «*Можете ли Вы сказать, сколько будет детей в вашей семье? Ваши семейные планы*?» – на этот вопрос анкеты («ЧП-2»): ответы молодых уральских супругов из однодетных и двухдетных семей распределились следующим образом: 20% респондентов, представителей однодетных (*на момент опроса*) родителей планируют «остановиться» в своей детородной деятельности и оставить своего единственного сына (дочь) без младших братьев и сестёр. Более половины опрошенных из этой же группы респондентов (51%) посчитали, что в их семье будет двое детей, а в каждой четвёртой (24%) – «*трое и более*». Вариант ответа «*трудно сказать*» – подчеркнули в анкете 5%. респондентов.

В двухдетных семьях за вариант семьи «муж–жена–двое детей» проголосовали 65% респондентов и 27% – выбрали вариант «*трое и более*» (8% – затруднились с ответом). Несложный расчёт показывает, что, по мнению молодых матерей, в уральских семьях к «нормальному» типу воспроизводства населения можно отнести ситуацию, когда десять среднестатистических семей в результате прохождения своего жизненного пути «оставляют» обществу 22–23 ребёнка. Много это или мало?

Естественно, нельзя сбрасывать со счетов прежде всего тот факт, что прожективные оценки «нормальности» числа детей в семье на момент опроса в дальнейшем реальном поведении российских (в том числе уральских) семей окажется, по всей вероятности, существенно ниже социально необходимых даже для простого воспроизводства населения. По оценке демографов социально необходимое среднее число детей в семье в расчёте на десять брачных пар должно быть не менее 26–28 детей. Другими словами, сегодня речь идёт не о расширенном воспроизводстве уральского сообщества и даже не его простом воспроизводстве. *В настоящее время воспроизводство населения находится в депопуляционном режиме.*

Региональная статистика свидетельствует, что в 2005–2020 гг. рынок труда в УрФО за счет неродившихся в 90-х годах «не досчитает» более 700 тыс. молодых работников по сравнению с предшествующим пятнадцатилетием (1992–2007 гг.). Особо ощутимые потери в потенциальных работниках в предстоящем пятнадцатилетии окажутся на региональном рынке труда Свердловской области – ориентировочно 210 тыс. чел., Тюменской – 120 тыс. чел., Челябинской – 200 тыс. чел. [6, 7].

В общественном и обыденном сознании россиян утверждается позиция о том, что демографические беды в их стране сегодня связаны в первую очередь с дестабилизацией семейно-брачных отношений, ведущих к распаду значительной (*если не большей*) части индивидуальных семей, деформацией

социальных функций, которые традиционно вменяются этой первичной социальной ячейке общества. Возникает, казалось бы, закономерный вопрос: а «*нужна ли вообще семья?*» Прежде всего речь идёт о «необходимости» института семьи для поступательного цивилизованного развития общества. Немаловажен и другой аспект: нужна ли собственная семья для отдельного индивида? В принципе весь комплекс своих физиологических, материальных и духовных потребностей каждый человек может с успехом удовлетворять, не имея в паспорте штампа о заключении брака. В первую очередь подразумеваются жизненные проявления индивида в цивилизованном урбанизированном социуме – в нашем случае речь идёт о жителях уральских городов. Вначале попытаемся ответить на второй вопрос.

Отрицательный ответ на эти вопросы (*«семья – не нужна», «она не обязательна и изживает себя»*) мы можем довольно часто встретить в многочисленных статьях журналистов, политиков, экономистов и даже в работах маститых социологов-семьеведов. Так ли это? Данные социологических опросов, проведенных в крупных городах России, в том числе и наши исследования, показывают сравнительную стабильность базовых ценностных ориентаций основных социальных групп российского (в нашем случае – уральского) населения. На вопрос анкеты: *«Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите ПЯТЬ «самых-самых» важных для Вас»* («ЧП-3») – нами были получены следующие ответы респондентов из 4 групп.

Таблица 1
Жизненные ценности и предпочтения у различных групп населения Урала
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		Родители	Молодые рабочие
	город	село		
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Содержательный, интересный досуг, возможность заниматься любимыми увлечениями	27	20	23	11
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	16	11
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	40	17
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	21	16	22	13

Нетрудно видеть, что такие базовые жизненные ценности, как *«хорошая семья и дети», «хорошее здоровье», «любимая работа», «материальное благополучие»* и *«хорошие жилищные условия»* занимают первые пять позиций как у подростков, так

и их родителей. Небезынтересно и другое. Как показало наше исследование, иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности, практически идентична.

Вместе с тем было бы наивным не видеть наличие существенных различий у респондентов в понимании самих феноменов «хорошая семья», «хорошие жилищные условия», «хорошая работа». Для одних, например, понятие «хорошая семья» ассоциируется с наличием двух-трёх детей, у других – с одним ребёнком, «позволяющим», с одной стороны, реализовать естественную материнскую (отцовскую) потребность в детях, наследниках, а, с другой, один ребёнок не слишком «обременителен» при поддержании материального благополучия семьи, «расширяет возможности» для трудовой карьеры и досуговых занятий своих одноетных родителей.

О состоянии института семьи в российском обществе, ценностных ориентациях в сфере матримониальных отношений в России можно судить и по результатам опроса 1360 семейных россиян, проведённых нами в шести регионах РФ («ЧП-1»). Ниже в каждом из 4 вопросов, взятых из анкеты, представлено распределение ответов отцов и матерей на соответствующий вопрос (% от общего числа респондентов-отцов – 422 чел. и – матерей – 938 чел.):

1. «Обязательно ли мужчине создавать свою семью (заключать брак)?»

Варианты ответов	Отцы	Матери
Да	69	74
Нет	11	6
Трудно сказать	19	19

2. «Допускаете ли Вы развод в семье, имеющей общих детей?»

Варианты ответов	Отцы	Матери
Категорически не допускаю	17	12
По обстоятельствам	72	75
Допускаю, это нормально	10	12

3. «Как бы Вы отнеслись к гражданскому браку своих детей (брак без оформления в ЗАГСе)?»

Варианты ответов	Отцы	Матери
Допускаю, смотря по обстоятельствам	54	60
Осуждаю категорически	23	19
Не осуждаю	21	20

4. «В наше время увеличивается роль личного капитала, имущества граждан. В связи с этим как Вы относитесь к введению брачных контрактов, определяющих имущественные отношения при заключении брака?»

Заключение брачного контракта:	Отцы	Матери
Необходимо	11	18
Желательно	36	51
Не имеет особого значения	36	25
Не нужно	14	5

Можно с большой долей уверенности утверждать, что у подавляющего большинства россиян «не исчезла потребность в семье и детях». Более того, желают или не желают *«самозваные определители моды на детей»* из числа «творцов» выпускаемой СМИ продукции, бездетный человек, будь то женщина или мужчина», даже извращённой половой ориентации, остаётся своеобразным *духовно-нравственным социальным изгоем.* Последний достоин человеческого сочувствия и сожаления, нередко он становится (или его делают) объектом непонятно какой социальной защиты. Защиты от самого себя — «человека БЕЗ БУДУЩЕГО». Естественно, здесь не идёт речь о тех людях, которые в силу каких-либо *не зависящих от них обстоятельств* лишены радости рождения и воспитания собственных (*да и не только собственных)* детей.

Резюмируя всё сказанное выше, нам представляется, что *производство непосредственной жизни* было, есть и останется в будущем хотя и взаимосвязанным, «вплетенным» в общую структуру производства общественной жизни, однако имеющим сравнительно самостоятельные структуру, функции, задачи, цель. Генезис *производства человека* как одной из сравнительно самостоятельных сторон целостного общественного производства в условиях цивилизованного общества характеризуется сочетанием тенденций *обособления и интеграции* её с двумя другими сторонами общественного производства — *материального и духовного*. Тенденция обособления выражается прежде всего в выделении в структуре целостного общественного производства специализированных социальных институтов, деятельность которых непосредственно направлена на производство человека, на жизнеобеспечение путём удовлетворения его физических и духовных потребностей. Наряду с семьёй к числу таких институтов следует отнести в первую очередь организации, учреждения, обеспечивающие строительство и эксплуатацию жилья, учреждения бытового обслуживания, общественного питания, здравоохранения, торговли, пассажирского транспорта, связи, общественного воспитания, образования и профессионального обучения, культуры и искусства, идеологии, охраны правопорядка и обеспечения безопасности жизнедеятельности и др. Развитие этих социальных институтов идёт как интенсивным, так и экстенсивным путём. Вторая тенденция в развитии сферы производства человека — это её интеграция с двумя другими сферами общественного производства путём появления и развития в структуре этих двух производств элементов, факторов, имеющих востребованность во всё усложняющемся процессе производства человека.

Идущий процесс интеграции сферы *производства человека* (в какой-то своей части), с одной стороны, и, с другой, — *материального* («производство вещей») и духовного («производство идей, сознания») производств создаёт (или, по крайней мере, призван создавать) расширенные возможности общества в достижении своей высшей цели: *производства самого человека* (во всей совокупности сторон этого процесса), развития богатства человеческой природы не ради прагматических целей, а как самоцель. Стремясь к оптимизации демографических процессов, важно осознавать при этом диалектическую взаимосвязь его *социально-экономической утилитарности и самоценности*. Оптимальное развитие народонаселения страны (региона, муниципального образования) — основа и условие ее хозяйственно-экономического процветания. Население выступает как многостороннее диалектическое единство, выполняя функции производителя и потребителя производства. Одновременно оно само подлежит воспроизводству. Вот почему народонаселение прямо и опосредованно влияет на размещение и функционирование общественного производства (взять, к примеру, функционирование народнохозяйственного комплекса Свердловской и Челябинской областей). Однако есть и вторая сторона этого взаимодействия. Развитие ЧЕЛОВЕКА (личности) является «целью целей» цивилизованного (демократического) типа воспроизводства общественной жизни [8].

Основная суть этого диалектического взаимодействия в том, что ЧЕЛОВЕК (работник и потребитель) выступает одновременно и *средством и целью* процесса общественного производства и его воспроизводства. Корневая, глубинная суть идущей перестройки производственных и в целом общественных отношений в России — возведение цели развития общественного ЧЕЛОВЕКА в ранг доминантной, ранг основной, перманентной цели социалистических преобразований.

Попытаемся схематично представить диспозицию выделенных в общем процессе воспроизводства общественной жизни трёх составляющих его производств с позиций целеполагания в развитии социумов в разных общественно-экономических системах российского общества. Так, фактическую (а не декларируемую) сущность

идеологической концепции построения российского социализма (подразумевается практика СССР) он представляет схематично так:

Производство-СРЕДСТВО	Производство-ЦЕЛЬ
«производство человека» «производство-идей»	«производство вещей»

При переходе российского сообщества на рельсы рыночной экономики и соответствующих общественных отношений предлагаем выделять четвёртое сравнительно самостоятельное производство в общем воспроизводственном процессе: «*производство денег*». Схематично представим две раскладки производств, олицетворяющие две основные модели общественного развития в условиях по пореформенной России:

а) модель «дикого капитализма»

Производство-СРЕДСТВО	Производство-ЦЕЛЬ
«производство человека»	«производство денег»
«производство вещей»	
«производство-идей»	

б) модель социально ориентированной экономики

Производство-СРЕДСТВО	Производство-ЦЕЛЬ
«производство вещей»	«производство человека»
«производство денег»	
«производство-идей»	

«Исходя из этого, критерием общественного прогресса, что во многом тождественно критерию прогрессивного развития производства человека, на наш взгляд, необходимо считать следующее. С одной стороны, это адекватное растущим потребностям производства человека производство материальных и духовных благ в соответствующих сферах общественного производства, и с другой – степень планомерной и целенаправленной реализации этих благ в непосредственном производстве человека.

Основная суть этого диалектического взаимодействия в том, что ЧЕЛОВЕК (работник и потребитель) выступает одновременно и средством, и целью процесса общественного производства и воспроизводства общественной жизни. Корневая, глубинная суть идущей перестройки производственных и в целом общественных отношений в России – возведение цели развития общественного ЧЕЛОВЕКА в ранг доминантной, ранг основной, перманентной цели социально-экономических преобразований» [9, с. 95].

Один из лейтмотивов начавшейся «ломки социализма» и построения рыночной экономики, т.е. капитализма, был, несомненно, привлекательным для большинства россиян: повышение благосостояния людей, переход к более цивилизованному и обеспеченному образу жизни за счет подъема ее качества. Известно, что чувство собственного достоинства на уровне обыденного сознания определенной группы населения ассоциируется прежде всего с «толщиной кошелька», возможностью удовлетворения более широкого круга личных и семейных потребностей. Помимо того, «толщина» того же семейного кошелька – это та основная база, на которой родители строят систему воспитания потомства, планируют свою детородную деятельность, наконец, определяют ближние и перспективные планы не только поддержания семейного домохозяйства, но и существования своего семейного союза в целом.

В переходный период *семья* во многом *смягчила удар «шоковой терапии» и включения рычагов рыночной регуляции*. В экономическом аспекте, например, вся нагрузка по содержанию и воспитанию ребенка упала на плечи родителей. Раньше государство брало на себя до трети всех текущих

затрат на содержание и уход за ребенком, включая воспитание (без учета инвестиций в социальную инфраструктуру). Социологи подсчитали, что общие затраты (и семьи, и государства) равны стоимости типовой трехкомнатной квартиры. Не меньше стоимость моральных издержек и очень незначительна отдача от взрослых детей. В этом смысле семья бизнесмена лучше всего оказалась готова к обстоятельствам экономической депрессии. Переходная экономика оперирует в основном краткосрочными кредитами, тогда как дети – объект долговременных инвестиций. Именно *«отсутствие денег» на новое поколение у государства обусловливает коньюнктурную компоненту спада рождаемости в обществе. Ресурсы семьи не бесконечны, и поэтому экономически репродуктивная функция семьи оказалась менее всего защищенной.*

Не вызывает сомнения тезис о том, что эффективность существующих мер по социальной поддержке и реабилитации семей с детьми в современной России (как на федеральном, так и на региональном уровнях) следует признать явно недостаточной. При этом в качестве основных характерных черт социальной (семейной) политики российского государства по поддержке семей с детьми можно в частности выделить:

а) вынужденный отказ государства от активной политики стимулирования рождаемости и многодетности в пользу социальной помощи и стратегии выживания в нестабильных социально-экономических условиях;

б) своеобразную стихийность и непоследовательность в осуществлении политики социальной помощи семьям с детьми (например, определение размера пособий на детей в зависимости от установленного прожиточномго минимума);

в) постоянное «опережение» принимаемых государственных решений по отношению к изменениям, происходящим в экономике, способным экономически обеспечить нововведения в семейной политике;

г) недостаточный учет региональных особенностей, репродуктивной деятельности семей, её детерминация от территориальной дифференциации доходов, уровня оплаты труда, неадекватной покупательной способности рубля, различия в уровнях развития сфер услуг в различных регионах;

д) в условиях социально-экономической трансформации российского общества обострение противоречие между *востребованным* рыночной системой *оплачиваемым трудом* и «*невостребованным*» домашним (неоплачиваемым) репродуктивным трудом.

Каковы основные пути и средства активизации репродуктивного поведения семей? Обратимся к результатам нашего опроса «ЧП-4». На вопрос анкеты «*Как Вы считаете, что могло бы реально повлиять на повышение рождаемости в России, появление в семье второго и особенно третьего ребёнка?*», ответы 200 экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО, распределились следующим образом,%:

– обеспечить нормальные жилищно-бытовые условия семьям с детьми	- 72
– обеспечить отцов хорошей работой	- 62
– организовать работу детсадов с доступной оплатой	- 56
– организовать доступную медицинскую помощь матери и детям	- 48
– снизить цены на детские товары	- 46
– дать возможность матерям работать и хорошо зарабатывать	- 44 !
– повысить денежную компенсацию за рождение очередного ребёнка	- 30
– повысить престиж материнства и отцовства в российском обществе	- 28
– улучшить работу женских консультаций, служб планирования семьи	- 23
– повысить экономическую и нравственную заинтересованность бабушек в воспитании своих внуков	- 9

Уместным здесь будет обратить внимание на такой важный фактор как женская трудозанятость (*на необходимость её оптимизации указали 44% опрошенных нами экспертов – см. выше*). Женщины активно участвуют в преобразованиях российской экономики, меняют формы своей трудовой активности. Основное социальное противоречие, сложившееся в сфере занятости россиянок, заключается в том, что, с одной стороны, рыночная модель позволяет свободно развиваться женской экономической инициативе, самостоятельности, независимости в выборе форм занятости. С другой стороны, в условиях перехода к рынку женщины оказываются менее социально защищенными в сфере труда, чем мужчины [10].

«Зри в корень!» – напутствовал нас в своё время Козьма Прутков. Ещё раньше классики социально-политической мысли нам предложили краткую формулу диалектики материального и духовного в жизни индивида: «*Бытие определяет сознание*». Никто, наверное, не будет отрицать, что любое производство (а производство Человека, как отдельной особи, так и социальной группы, может быть классифицировано как *производство человеческого материала*) требует как предварительных инвестиций, так и последующих материально-экономических вложений. При этом следует учитывать, что производство и воспроизводство дееспособного человеческого индивида (онтогенез личности) занимает сравнительно длительный промежуток времени (около 20–30 лет), требующий постоянного материального и духовного обеспечения. Можно ли сегодня в условиях социально-экономической нестабильности серьёзно говорить об ожидании плодотворной (*с позиций общественных потребностей*) репродуктивной деятельности семьи по воспроизводству непосредственной жизни, социализации и воспитанию потомства?

Голосуя «ЗА» и приветствуя патерналистскую деятельность государства, важно следить за тем, чтобы социальная политика и социальная защита не насаждали иждивенчества. Речь должна идти не только и не просто о помощи и поддержке, но и о создании условий для повышения социальной и трудовой активности значительной части бедных, с тем, *чтобы они сами могли помочь себе.* Вспомним: «Дело рук утопающих…». Необходимость этого особенно актуальна в ситуации, когда некоторое оживление российской экономики не ведет к сколько-нибудь существенному расширению возможностей государства в оказании социальной помощи и поддержки всем нуждающимся в ней. В этой связи особенно важна строгая адресность мер по социальной защите, чтобы последняя была ориентирована на наиболее уязвимые слои населения, на тех, кто не в состоянии сам себе помочь, по меньшей мере, в данное время [11].

Учёт, своевременная корректировка и использование всей совокупности факторов, формирующих человеческий потенциал страны на современном, т. н. постсоциалистическом этапе развития российского общества, приобретают всё более актуальное значение для успешной реализации рыночных преобразований, как в производственной, так и социально-политической сферах жизнедеятельности народа. Необходимо выявление причинно-следственных связей, детерминирующих характер и направленность развития тех или иных социально-экономических процессов, важен поиск действенных рычагов в воздействии на изменение тех или иных тенденций в развитии этих процессов. Это, в свою очередь, требует преодоления своеобразного традиционного идеологически клишированного «запрограммированного» в общественном сознании россиян понимания сути и содержания процесса социального развития, переосмысления сути и содержания самих базовых понятий.

Дальнейшее повышение дееспособности человека во всех сферах его жизнедеятельности продолжает оставаться одной из актуальнейших задач современного этапа развития человеческого сообщества, в том числе, естественно, российского общества. В реализации этой задачи общество имело в прошлом и будет иметь в будущем значительные резервы. Как отмечал в своё время академик Н. П. Дубинин, «люди еще не научились в полную меру использовать все возможности, которые заложены в биологии человека, для развития его интеллекта, способностей и склонностей» [12, с. 135].

Кардинальные изменения в условиях жизни подавляющего большинства россиян, деформация устоявшегося за многие десятилетия механизма преемственности и в целом процесса социализации молодых поколений, вхождения их в общественное производство, изменения в иерархии социальных ценностей и норм поведения обусловили не только актуальность вопросов устойчивого и безопасного развития государства.

В число наиболее острых социальных проблем выходит проблема обеспечения стабильности и безопасности формирования генотипа личности, вбирающей в себя приемлемые черты работника, гражданина, семьянина. Эти концептуальные посылы во многом подтвердили данные, полученные нами в исследовании «ЧП-5».

Семья была, есть и останется в будущем главным институтом воспроизводства населения, обеспечивающим государственное строительство. Семья также была, есть и останется важнейшей составляющей в строительстве жизненного пути каждого конкретного человека, каждой конкретной социальной группы. Известный афоризм: «Крепка семья – крепка держава» не обесценивается под воздействием, казалось бы, экстремальных социально-экономических процессов, к числу которых можно отнести идущий в России период перехода от тоталитарного строя к обществу цивилизованного рынка.

«Социология, при условии, что ею занимаются надлежащим образом, – отмечал один из основоположников этой науки о человеке – Э. Гидденс, – обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для потворства предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению». И далее: «Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий» [13].

Трудно возразить против такого утверждения социолога с мировым именем. Добавим лишь, что это «увлекательное и захватывающее предприятие» сегодня может служить не только повышению социально-экономического потенциала региона. При компетентном и заинтересованном подходе к изучению заявленной проблемы социология будет способствовать повышению социально-экономического благополучия семьи, активизации её репродуктивного поведения и, как следствие, укреплению семейного образа россиян в целом. А это, в свою очередь, является залогом успешных воспроизводственных процессов в регионе.

1. Индекс развития человеческого потенциала [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%
2. ООН опубликовала индекс развития человеческого потенциала в странах мира 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http:/gtmarket.ru/news/state/ 2010/11/05
3. Важенина И.С. Важенин С.Г. Имиджевое и информационное сопровождение хозяйственного освоения территорий России // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 27.
4. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. – 2010. – № 3.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 28.
6. Павлов Б.С. Трудовая занятость замужней женщины на Урале как предмет социально-экономического анализа // Проблемы региональной экономики (Ижевск). – 2010. – № 1. – С. 400–415.
7. Павлов Б.С. Александрова Ж.П. К вопросу о развитии человеческого потенциала на уральском Севере // Журнал экономической теории (Екатеринбург). – 2009. – № 3. – С. 51–63.
8. Берсенёв В.Л., Важенин С.Г., Павлов Б.С. Особые грани современной российской экономики и не только // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 264–267.
9. Павлов Б.С. О понятии «производство человека»: краткий социологический экскурс //Уральская социология на рубеже веков: преемственность поколений. В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999.
10. Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). М. : ЗАО «Издательство Экономика», 2009. 436 с.
11. Павлов Б.С., Шеломенцев А.Г., Бондарева Л.Н. Инвестиционное поведение как предмет социально-экономического анализа. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. 91 с.
12. Дубинин Н.П. Что такое человек. М. : Мысль, 1983. С. 135.
13. Гидденс Э. Социология: учебник 90-х годов (реферированное издание). Челябинск,1991.